

**Константин
ГНЕТНЕВ**
г. Петрозаводск

«Соловей» Беломорья

О поэте Сергее Яковлевиче АЛЫМОВЕ

Едва ли найдется на обширных пространствах бывшего государства СССР литератор, который так много и так искренне послужил делу строительства Беломорско-Балтийского канала, как это сделал советский поэт Сергей Яковлевич Алымов.

*Битва наша смелая,
Темпов не сдадим,
Балтийское и Белое
Моря соединим!*

На Беломорстрое, а точнее, в Беломорско-Балтийском исправительно-трудовом лагере НКВД СССР, привечали всякого, у кого обнаруживался хотя бы мало-мальский литературный талант. Здесь «к штыку приравняли перо» в буквальном смысле слова, ничуть не смущаясь малости талантов. Для работы в культурно-воспитательном отделе (в лагерном официальном обиходе – КВО) и его подразделениях-частях на местах (КВЧ) были привлечены десятки самодеятельных поэтов-заключенных. За два неполных года строительства наиболее известными стали бывший театральный режиссер Игорь Терентьев, бывшая проститутка Леля Фураева, уголовник-«бытовик» Лаврушин, Сергей Кремков, а также другие: «з/к

з/к» (таким было официальное, в лагерных документах, обозначение заключенных во множественном числе. – Прим. К. Г.) – Карелин, Карюкин, Смиренский, Дмитриев, Дорофеев...

Образчиками творчества поэтов «каналоармейцев» заполнялись страницы многочисленных стенгазет, центральной (выходившей в Медвежьей Горе) общелагерной газеты «Перековка» и ее отделенческих выпусков. Они писали возбуждающие энтузиазм тексты для театральных постановок в отделениях строительства, слоганы для агитбригад, восхваляющие воспитательную политику ОГПУ и трудовые подвиги ударников, а также содержащие уничижительную критику разного рода «филонов» и «отказчиков».

Разумеется, качество этой поэтической продукции не выдерживает никакой критики. Но это никого особенно не смущало. Ведь у авторов за душой не было ни опыта, ни необходимой школы, ничего, кроме разве что энтузиазма. К тому же аудиторию составляли десятки тысяч полуграмотных или вовсе неграмотных людей. Да и вообще, работа на вечность в лагере мало кого интересует, в том числе и поэтов. Выжить бы.

Окончание. Начало в №9-10 2020 г.

*Шлю письмо тебе, моя мамаша,
И прошу прочесть его родным,
Что любимый сын на Белморстрое
Стал теперь ударником большим.*
(Лаврушин)

*Шире знамена развертывай,
Солнце червонцы льет.
Это – наш слет четвертый,
Это – решающий слет.*
(Кремков)

*У буржуя за границей
Скрюченные пальцы.
Поперек им горла стали
Красные каналцы.*

*Пусть не верит за граница –
Ошибется, дура,
Тут у каждого братка
Во – мускулатура.*
(Терентьев)

Тем более заметным становилось здесь появление поэта известного, обладающего профессиональными навыками, имеющего уверенную руку и собственный стиль. Вовсе не случайно Сергей Алымов быстро стал весьма заметным сотрудником КВО Беломорстроя на всем протяжении строительства от Повенца до Сороки и желанным автором многочисленных лагерных изданий. А в среде руководства и простых лагерников оказался весьма уважаем и даже популярен. Я видел его фотографию, вероятно, лета 1932 года. Ничего в нем нет от заключенного: длинное кожаное пальто, хромовые сапоги, стальной взгляд под козырьком кепки. Замени кепку на фуражку со звездой, и вот перед тобой настоящий чекист...

Так кто же такой поэт Сергей Алымов?

1

Сергей Яковлевич Алымов родился 10 апреля (29 марта по ст.ст.) 1892 года в селе Славгороде Харьковской губернии Ахтырского уезда. О своей семье он писал мало, известно только, что маму звали Вера Ивановна Алымова, а брата Михаил Яковлевич. С. Я. Алымов поступил в Харьковское коммерческое училище, однако учебу не закончил, поскольку был исключен в 1908 году. Позже, оформляя документы в Союз советских писателей (ССП), сам Сергей Яковле-

вич причину исключения указал так: «за руководство забастовкой учащихся...»

По его словам, в юношеские годы он активно занимался революционной борьбой с ненавистным царизмом, учился марксизму в кружках, составлял прокламации, распространял нелегальную литературу. Несколько раз арестован, сидел в тюрьмах в разных городах – страдал за народ, иными словами...

Нужно сказать, что в те годы многие отыскивали и находили в своих биографиях следы революционной борьбы и страданий за нужды простого народа. Делалось это в надежде быть замеченными властью. Однако зачастую подобные «метки» и даже реальные факты, отмеченные в автобиографиях, вовсе не приносили желаемых поблажек. Не помогли они в трудный момент жизни и самому Алымову. При этом остаются неясными мотивы его борьбы за свержение существующего строя в России. Ведь сам Сергей Яковлевич принадлежал к старому дворянскому роду.

Род произошел от Григория Алымова, жившего в XVI веке, и его представители внесены в VI часть дворянских родословных книг Орловской и Смоленской губерний. Среди предков были люди достойные, немало послужившие Отечеству на военной и светской службе: полковник гвардии и армейский полковник, бригадир, тайный советник, коллежские асессоры и даже писательница-переводчик. В первые годы советской власти представитель рода Алымовых стал ученым-экономистом и академиком сразу двух национальных академий на Украине.

Надо полагать, что к началу XX века ответственность рода, которому принадлежал Алымов, пришла к вырождению. Сергей Яковлевич не продолжил родовую обязанность государевой службы, священную для российского дворянина. Не поддерживал он и семейную традицию. У Алымовых были семьи, в которых воспитывали по 19 детей. Такими были, к примеру, семья полковника Иакинфа Евстратовича Алымова, служившего прокурором Московской губернии (умер в 1743 году), и семья полковника Ивана Акинфиевича Алымова, жившего в первой половине XVIII века... Однако никаких следов, что Сергей Яковлевич имел собственных детей, мне обнаружить не удалось.

Юношеская революционная борьба в среде анархистов для Алымова закончилась так же, как она заканчивалась и для десятков других «бунтовщиков» – арестом и тюрьмой. Арестованный в очередной раз в феврале 1910 года, он, по его словам, целый год просидел в одиночке и в марте 1911 года был приговорен Харьковской судебной

палатой к каторге. Правда, весной того же года суровый приговор заменили ссылкой – ввиду несовершеннолетия преступника. Алымова отправили на поселение в Канский уезд Енисейской губернии. В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) хранится копия приговора, вынесенного Алымову и его товарищам Моисеенко и Ефимову за участие в революционной деятельности в составе «Летучей боевой железнодорожной харьковской группы анархистов-коммунистов». В том же году неугомонный революционер дворянских кровей бежал из ссылки за границу и оказался в далекой Австралии.

Кабы знал тогда, чего ради старается...

Хлеб для Алымова на чужой земле давался трудно. Он работал грузчиком, землекопом, лесорубом, мясником на скотобойнях, чистильщиком сапог при гостинице, на рыбных промыслах, резал сахарный тростник... 16 рабочих профессий пришлось освоить эмигранту из России, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Жизнь заставляла изучать английский язык, он посещал вечерний университет, пытался читать Шекспира, слушал лекции по архитектуре, сам начал писать стихи и сотрудничать с русской и австралийской прессой.

В июле 1917 года, вместе с другими политэмигрантами, Сергей Яковлевич выехал из Австралии на Дальний Восток. Жил в Маньчжурии (Харбин), занимаясь в основном литературой, путешествовал по Китаю и Японии. В первые после октябрьского переворота годы он активно участвовал в литературной жизни Владивостока и Харбина в составе дальневосточной футуристической группы «Творчество», а в 1920 году выпустил книгу стихов «Киоск нежности».

В 1926 году Алымов приехал в Москву и начал сотрудничать с московскими журналами и газетами, занявшись исключительно писательским трудом. Он написал сценарий фильма «из корейской жизни» «Клеймо креста», роман «Нанкин-Род», ряд рассказов и очерков, теперь уже «из китайской жизни», стихи и поэмы на разные темы. Следуя существовавшей тогда моде про людей труда, Сергей Яковлевич съездил в Тулу, познакомился с оружейниками и историей города и приступил к работе над поэмой «Оружейники», которую с перерывами писал до Великой Отечественной войны, печатая отдельные законченные части.

2

В эту пору он обнаружил в себе дар поэта-песенника. С основания в 1928 году Краснозна-

менного ансамбля песни и пляски Красной армии под руководством А. В. Александрова Алымов стал одним из его постоянных авторов. На его слова писали песни самые известные композиторы того времени – М. Блантер, И. Дунаевский, А.Новиков, К.Листов, а исполняли наиболее популярные певцы – Павел Лисициан, Сергей Лемешев, Георгий Виноградов, Владимир Бунчиков, Надежда Обухова и другие. Название этих песен мало что скажет современному читателю: «Баллада про казачку» (М. Блантер), «Вася-Василёк» (А. Новиков), «Думка» (К. Листов), «Под луной золотой» (И. Дунаевский), «Пути-дороги» (И.Дунаевский), «Размечтался солдат молодой» (А. Новиков), «Самовары-самопалы» (А. Новиков), «Сталинский закон» (М. Блантер), «У криницы» (А. Новиков), «Хороша ты, Москва» (А. Новиков), «Чудо-городок» (И. Дунаевский) и другие. В соавторстве с Александром Васильевичем Александровым Алымов написал такие популярные в свое время песни, как «Бейте с неба самолеты», «Песня о Сталине» и другие.

Остается загадкой, почему название одной из наиболее популярных своих песен Сергей Яковлевич весьма неохотно включал в официальные списки произведений. Хотя эта песня, как теперь говорят, была «хитом» нескольких десятилетий и её знали миллионы. Из детства помню её и я. Песня называлась «Хороши весной в саду цветочки».

*Хороши весной в саду цветочки,
Еще лучше девушки весной.
Встретишь вечерочком
Милую в садочке,
Сразу жизнь покажется иной...*

Примитивный, если не сказать – пошлейший, текст самым удачным образом лег на ритмичную, бодрую музыку, и возникло нечто пустоватое, но веселое и возбуждающее. Такие попадания случаются в песенном творчестве. Песня оказалась настолько популярной у слушателей, что Всесоюзное радио постоянно передавало ее, вероятно до конца 60-х. Тем не менее Алымов ни разу не упомянул её названия в своих библиографических списках, которые мне довелось прочесть в его архивном фонде.

Почему так произошло, теперь трудно сказать. Может быть, Алымов был бит за неё властью и коллегами-песенниками, как позже был бит автор другого похожего «хита» под названием «Мишка» («Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня...»). Может быть, как художник,

понимал истинную ценность этого произведения про «садочки»... Хотя эти предположения весьма спорные. В 1948 году композитор Борис Мокроусов именно за песню «про садочки-цветочки», включая еще две других, уже не Алымова («Песня о родной земле» и «Заветный камень»), стал лауреатом Сталинской премии...

Однако совершенно очевидно, что такие песни, как «Вася-Василек» («Что ты, Вася-Василёк, голову повесил...») и «Хороши весной в саду цветочки», оказались гораздо более востребованными в обществе, чем, скажем, «Песня о Сталине».

Иным было отношение Алымова к судьбе другой очень популярной и даже знаменитой песни «По долинам и по взгорьям» («Партизанской»). Текст и мотив этой песни первым записал под Киевом от командира роты 136-го стрелкового полка И. С. Атурова руководитель Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной армии А.В. Александров. Произошло это в июне 1929 года. Текст был, мягко говоря, неуклюж и чрезмерно наполнен просторечными словами: «Из Ленинграду, из походу шел советский красный полк...» На основе первоначального Алымов создал собственный, новый текст песни и в том же 1929 году включил в литературно-музыкальный монтаж «Особая Дальневосточная армия» под названием «Партизанская».

В течение нескольких лет песня приобрела широчайшую известность не только в Советском Союзе, но и в Испании, Югославии, Болгарии, Чехословакии – в странах, где поднималась партизанская борьба с фашистской оккупацией. Текст буквально разобрали на афоризмы. Фразы из песни стали названиями театральных спектаклей, книг и кинофильмов: «волочаевские дни», «этих лет не смолкнет слава», «разгромили атаманов, разогнали воевод» и так далее.

Однако осенью 1934 года разразился скандал. 23 дальневосточника, бывших красных партизана, опубликовали в газете «Известия» письмо, в котором заявили, что авторство песни «По долинам и по взгорьям» принадлежит не С. Я. Алымову, а П. С. Парфенову. Якобы бывший батрак и самоучка Парфенов, кавалер двух Георгиевских крестов, раненный на Западном фронте и в 1917 году ставший членом ВКП(б), еще в марте 1920 года посвятил эту песню легендарному главкому Сергею Лазо, сожженному белогвардейцами в топке паровоза. Завязалась дискуссия, в которой с двумя статьями об истории создания песни выступил сам Парфенов, публиковались свидетельства-подтверждения на этот счет писателей Е. Пермитина, М. Алексеева, Н. Низового и дру-

гих, появились утверждения об иной редакции песни со ссылками на маршала В. К. Блюхера и так далее и тому подобное...

В 1950 году проблемой авторства песни «По долинам и по взгорьям» впервые занялись профессиональные исследователи. Скоро стало ясно, что ни Атурова, ни Парфенова, ни Алымова назвать единственным автором текста нельзя. Да, каждый из них в той или иной степени, что называется, приложил руку, но не более того...

Сергея Яковлевича официально стали считать – и считают до сих пор – автором только литературной обработки песни. С этим определением он не согласился до конца своих дней. Уже после его кончины бывшая супруга М. Ф. Алымова (Корнилова-Гус) настойчиво оспаривала в суде творческий приоритет мужа, доказывая, что именно он и только он является единственным автором популярнейшей песни «По долинам и по взгорьям». К слову, так же считали и в Союзе советских писателей.

Но это было потом. А на рубеже 30-40-х годов известного поэта Сергея Яковлевича Алымова арестовали...

3

В конце 1929 года или в самом начале 1930 года Алымов оказался в Бутырской тюрьме, где в то время пребывали многие его коллеги по перу. На страну вплотную надвинулась мрачная тень ГУЛАГа...

Об истории ареста, следствии и пребывании в тюрьме сам Алымов не оставил никаких свидетельств. Эти годы напрочь вычеркнуты им из биографии. Даже в официальных автобиографиях он аккуратно обходил эту опасную тему, непринужденно переходя с конца 30-х сразу к Великой Отечественной войне. Оно и понятно: в ту пору подобным не хвастались. Что нам известно об этом периоде в жизни поэта, так это 58-я статья УК РСФСР, по которой сажали «контрреволюционеров», и срок заключения 10 лет, который был определен ему летом 1930 года (конец июня – самое начало июля).

Сохранились и два карандашных портрета Алымова, выполненные неизвестным художником на небольших листках желтой писчей бумаги. Один рисунок незавершен, на другом в правом нижнем углу хорошо читается надпись: «Бутырки. 10/VI-30 г.» и монограмма художника, которую можно прочесть как «БП». Из дневника и обрывка документа, который Алымов использовал в качестве закладки, можно догадаться, что в одной камере с ним, а

затем в одном этапе оказался известный в 30-40-е годы литератор Борис Пильняк. Хочется думать, что рисунки принадлежат именно Пильняку, хотя это не более чем предположение.

За что мог быть арестован писатель, имевший к тому времени достаточную известность и звезда которого начала стремительно восходить на небосклоне российской словесности? Давайте вместе перелистаем пункт за пунктом печально известную статью 58 Уголовного кодекса Российской Федерации в редакции 1926 года и примерим её к Сергею Яковлевичу Алымову. Именно по ней судили и везли на Соловки, на Беломорканал, в Магадан, Воркуту, на БАМ и в другие не столь отдаленные места «политических» заключенных.

Итак, 58-я статья, часть 3 – сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями.

Да, подобные сношения, безусловно, были. Как мы знаем, Алымов жил в Австралии и Харбине (Китай), посещал Японию. Осталось обнаружить среди его старых знакомых «представителя-контрреволюционера» и смело можно «шить» дело.

Часть 4 – оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая стремится к свержению коммунистической системы. Этот пункт предоставлял следователям с Лубянки такую бездну фантазии, что с его помощью можно было осудить любого, имевшего хоть один разовый контакт с иностранцем. Тем более что по официальной доктрине того времени абсолютно весь мир дено и ночью мечтал только об одном – как бы свергнуть коммунистическую систему. По пункту 4 Алымов также смело мог схлопотать ВМН (высшую меру наказания).

Часть 5 – склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела СССР или иным неприязненным действиям. И с частью 5 дела у Алымова выглядели совсем неважно. А чего это он там говорил с товарищами в Австралии и Харбине, а затем на заседаниях литературной группы «Творчество»? К чему призывал в поэтическом сборнике 1920 года «Киоск нежности»? Не усматривается ли в отдельных его словах и выражениях «склонение... общественных групп... к иным неприязненным действиям»? Далеко не единственного российского литератора той поры следователи научили «правильно» читать собственные же тексты, а затем, «уже грамотных», отправили в концлагерь с обвинением

по пункту «склонение». Я не знаю, может, и Сергей Яковлевич был среди них.

Часть 6 – шпионаж. Судя по массовости применения этой статьи, не исключено, что Алымова осудили именно за шпионаж. Каких только «шпионов» не было в ГУЛАГе! Какие только иностранные разведки и экзотические страны они там не представляли! Вполне понимая надуманность собственных обвинений, судьи зачастую нарушали требования части 6 и давали «шпионам» не полагающуюся им ВМН, а 10 лет...

Бывший начальник северного участка строительства 8-го отделения Беломорстроя (строительство так называемого Шиженского узла, куда входили гидросооружения заключительного участка канала – шлюзы № 16, 17, 18 и 19 с дамбами и водоспусками) С. Л. Моисеев в 80-х годах рассказывал автору книги «Каналоармейцы» И. Чухину, как это происходило на самом деле. Вот его печальная повесть в кратком пересказе.

В 1937 году чекиста С. Л. Моисеева в очередной раз выгнали из органов, и он поехал в Москву за правдой. Зашел к старому знакомому, начальнику отдела НКВД одного из московских вокзалов, рассказал свою печальную историю. Знакомый слушал-слушал и говорит:

– Да, Семен, и я плохо понимаю. Только вчера пришла шифровка: у вас нет показателей по статье 58, пункты 3 и 6. Срочно активизировать работу, по итогам квартала доложить об исполнении, в том числе имея в виду привлечение к ответственности 3 к/р (контрреволюционеров. – **Прим. К. Г.**) греческой национальности. Представляешь, полная ахинея! Почему по итогам квартала? Почему три? Почему грека?

– А надо сказать, приказы тогда были строгие, конкретные, – вспоминал Моисеев. – Хорошим работником считался, например, тот, кто оформлял в месяц по 50 дел на рассмотрение «тройки». Есть ли тут время думать и разбираться? В другом приказе прямо говорилось, что чекист, не выполняющий показатели, является помехой в борьбе с контрреволюцией и ему не место в боевых органах пролетарской диктатуры. А раз не там, то где же?

Спрашиваю друга:

– Ну и что собираешься делать?

– А ничего, – говорит. – Отчитаюсь за квартал: на ваш исходящий сообщаю, что лиц указанной национальности на обслуживаемой территории не проживает.

– А если проверят? – спрашиваю.

– Если проверят, – говорит, – одного найдут.

(Чухин И. И. *Каналоармейцы: История строительства Беломорканала в документах, цифрах, фактах, фотографиях, свидетельствах участников и очевидцев.* – Петрозаводск: Карелия, 1990, с.92-93)

Смотрим далее. Часть 10 к писателю Алымову мог применить даже неопытный следователь ГПУ. Она предоставляла для этого самые широкие возможности. Часть 10 предусматривала наказание за «пропаганду и агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти, а равно распространение, изготовление или хранение литературы того же содержания». Не менее «удобный», чтобы отправить писателя на «перековку» в лагерь, был и следующий 11-й пункт. Он предусматривал наказание за «всякого рода организационную деятельность», а также «участие в организации», которые преследовались во всех пунктах статьи 58. И по 11-му пункту следователи погубили не одну сотню тысяч россиян, «сознавшихся» и «не сознавшихся», но при этом одинаково ни в чем не виноватых перед своим многострадальным Отечеством...

Совершенно невозможно исключить тот факт, что Сергей Яковлевич получил обвинение по этим двум пунктам. Наверное, не бывает в природе такого писателя, в текстах которого при желании невозможно отыскать неких «призывов» или намеков на призывы, а в домашней библиотеке обнаружить чужую книгу, одно хранение которой представляет собой уголовное преступление.

Какие люди, такое и время. Какое время, такое и представление о правосудии.

Как бы там ни было, но летом 1930 года поэт Сергей Алымов уже ожидал этапа в Бутырках.

4

«4 июля 1930 года. Неожиданное свидание. Маша... Ожидание этапа. Прощание с камерой. Читка стихов. Крепите мужество и умейте страдать... Ночь. Передача вещей. Упаковка...

5-е, суббота. Утро... Вызов: «С вещами!» Вокзал. Партия – 53. Обмен квитанций... На настоящем вокзале. Столыпинский вагон. Маша с Варей. Газеты, книги, радость видеть любимую... В час сорок прощай, Москва...»

Это страницы из дневника Алымова, который он начал вести в канун отправки из Бутырок в Карело-Мурманский исправительно-трудовой лагерь ОГПУ, а точнее в карельский городок Кемь. Уже тогда Кемь, а точнее рабочий поселок дере-

вообработчиков в нескольких километрах от Кемь – Попов Остров (ныне Рабочеостровск), что на берегу Белого моря, в определенных кругах становился широко известным в качестве «ворот на Соловки». Именно здесь располагался Кемский пересыльный пункт (Кемьперпункт), одной из наиболее черных страниц вошедший в историю ГУЛАГа. С Попова Острова пароходами заключенных доставляли за 60 километров через море на Большой Соловецкий остров, где их ждал СЛОН (Соловецкий лагерь особого назначения НКВД СССР).

Алымов вел дневник до сентября 1931 года (последняя запись 25 сентября). Вероятно, в конце октября – начале ноября 1931 года он был переведен в Медвежью Гору, в Беломорско-Балтийский исправительно-трудовой лагерь, созданный специально для строительства Беломорско-Балтийского водного пути. В это время на севере Карелии начались работы сразу на всем протяжении будущей трассы искусственного судоходного пути, и кадры тут требовались самые разные.

Первая часть дневника Алымова представляет собой согнутые пополам листы писчей бумаги (хорошей, не газетной), исписанные неровным почерком и синим карандашом. Скорее, это не дневник, а просто заметки-записи на различные темы, сделанные в вагоне поезда, который вез заключенных на Север.

Общее заглавие на обложке из простой бумаги: «В столыпинском». Дневник публикуется в фрагментах.

«Ст. Сегежа. 672 клм от Лен. 787 от Мурман. Перед ней – озеро... День серый, лес чахлый, худой. Скелеты елей. Уже попадают лагеря. Землянки. Люди в серых сук. бушлатах. Волосатые. Есть босые. Вытаскивают бревна из реки, вкатывают на веревках в деревянную горку. Настроение у всех унылое. Вот оно – преддверие УСЛОНа! Покачиваясь, несут важно. За окнами свинцовая тишина. Ясно чувствуется свинцовая тяжесть. И уже бревна не золотятся, а лежат в воде как распухшие утопленники...

9-е, среда. Четвертые сутки. Продрал глаза. Стоим... Красные стенки вагонов. Неужели все еще Званка!! (узловая станция Званка – прежнее название Волховстроя. – Прим. К. Г.) Конвой воюет с чурками. «Раскулачили» одинокого каэра – вытянули 20 рублей. Так и есть. Все еще стоим на Званке. Прибыли вчера в 10 часов утра... 11.25 дня отправился, наконец, простоял 25 часов...

...В вагоне молчание. Даже шпана затихла. Переехали реку – приток Волхова.

– Вот так до самой Кеми ехать лесом будем, – бросает конвойный. – А с Петрозаводска лес и болота. Зверей масса: лось, медведь...

Разговоры. Что делать? Что ждет?

– Времена такие. Выживает сильный, а не размагниченный человечешко. Ведь высылают не для того, чтобы сидеть в башне и следить прибой морской волны, а работать. Нужно помнить самое главное: жизнь течет. В 1932 году будут все другие. Соотношения классов будут другие... Нужно мужество и выдержка. Огромное хозяйство: аппаратные разработки, питомники, мастерские, лесозаготовки. Канал роют».

Шпана кричит Алымову:

«Эх, Маня, надо бы тебе бабский вопрос ликвидировать! Пропадешь. Ты еще здесь, а уже переписку завёл...»

Алымов переписывает в дневник последнее письмо жены, переданное с воли перед отправкой: «Целую крепко, твоя вся Маша. Будь бодр – телеграфируй точный адрес. Надейся только на хорошее. Я никогда тебя не оставлю и все сделаю, что ты просил... Крепко целую. Устраивайся, и я к тебе приеду – если тебе нужно и ты этого хочешь. Меня не пугают быть с тобой никакие сроки – только бы с тобой, ибо без тебя нет ничего: ни радости, ни улыбки, ни счастья... Я испытываю невыносимые муки за тебя. Целую, обнимаю все-го. Я знаю, что ты чист, благороден и честен. Помни, твой дом всегда у меня, где бы я ни была, и всю жизнь – как всегда, я отдам тебе».

Комментарий Алымова сразу за письмом: «О, мой кислород, моя бегущая Маша! И мои мысли, мое творчество, моя жизнь – твои до конца».

Алымов описывал, как долго Маша бежала за вагоном, когда эшелон тронулся...

Маша, Мария Федоровна Вавельберг (в девичестве Корнилова) вышла замуж за поэта С. Я. Алымова вторым браком 27 июня 1927 года. Ради него оставила работу в театре и занялась литературным трудом, стала литературным секретарем Алымова. Это очень точно подмечено: кислород. Он нужен был ему более всего. Именно о женах и семьях мучительно думали они тогда, обвиненные напрасно...

5

Хочу вернуться немного назад, чтобы (тотчас забежав вперед) рассказать о супруге Сергея Алымова, Марии Федоровне Алымовой (Корниловой). Мне кажется, эта мужественная женщина вполне достойна небольшого отступления. В начале 30-х годов она всеми силами поддержала неп-

раведно осужденного мужа, а в начале 70-х по существу сохранила память о нём. Самого С.Я.Алымова уже не было в живых, а она еще с войны была замужем за другим. В 1971 году именно ею переданные в РГАЛИ (Российский Государственный архив литературы и искусства) документы, рабочие записи, фото и дневники составили основу объёмного личного фонда Алымова.

Мария Федоровна выполнила обещания, данные мужу в письме перед отправкой в лагерь. В архиве есть сохранившиеся документы о «рабочих» свиданиях с женой, датированные 31 июля 1930 года и 13 января и 27 октября 1931 года (судя по некоторым данным, свиданий было больше), а также рапорт Алымова начальнику КВО Карело-Мурманского ИТЛ ОГПУ о разрешении жить на вольной квартире. Сохранилось и авторское жизнеописание самой Марии Федоровны, которое она назвала «Моя краткая автобиография». Из этого текста становится понятной среда, в которой прошло её детство, круг знакомых и начало взрослой жизни. К сожалению, записи обрываются примерно на 1920 году, на времени работы в театре и первом замужестве...

Тайной для нас остается и то, что творилось в душе этой женщины в самую трудную пору, когда арестовали мужа, а также что пережила, о чем думала она в томительном ожидании вестей от него. Мы никогда не узнаем, как встретились они потом, через три года, когда он вернулся с Беломорстроя чуть ли не героем...

Автобиографические записи Мария Федоровна начала в 1959 году и завершила в 1970 году. Но преуспела немного. Она использовала общие тетради, листы из которых по мере заполнения извлекала и перепечатывала на машинке набело.

Родилась Мария Федоровна Алымова (Корнилова-Гус) в 1897 году в семье мещан Федора Матвеевича и Евгении Ильиничны Корниловых в городке Козлове, где провела детство. Между прочим, юношеским приятелем её был Константин Александрович Федин, в ту пору студент Коммерческого училища, который снимал у них комнату «со столом», то есть с возможностью питаться в семье. Федина перед этим выгнали из Саратовской гимназии, и отец привез его в Козлов продолжать образование в Коммерческом училище.

Осенью 1915 года Мария успешно сдала экзамены в студию Художественного театра с освобождением от каких-либо материальных взносов. Весной 1917 года, сразу после выпускных экзаменов, её пригласили в театр комедии к Е. М. Грановской (летом театр «Аквариум», г. Москва).

Потом был октябрьский переворот, гражданская война, и Мария Федоровна уехала в Киев, где с приходом красных служила в театре Красной армии. В 1919 году вышла замуж за Михаила Вавельберга и уехала из Киева, чтобы через год, в 1920 году, родить дочь Ирину. Вернувшись в Москву, она снова поступила в театр, но уже с осени мужа мобилизовали на службу в армию, откуда он не вернулся. Летом 1924 года Мария Федоровна оставила дочь родителям в Козлове и уехала в Париж, где пробыла всего год.

Парижская жизнь ей явно не понравилась, и она через год вернулась в столицу и снова служила в театре, теперь уже у Корша. Так было до 1927 года, пока не произошла встреча с поэтом Алымовым.

Мария Федоровна задумывала свою автобиографию как попытку литературного осмысления собственной жизни. Однако уже на первой трети пути она, вероятно, поняла, что создать автобиографическое произведение, интересное широкому кругу читателей, ей не удастся. В тексте много детских воспоминаний, много наивности и восклицаний и мало собственно литературы. Может быть, именно этим вызвано дальнейшее охлаждение к работе. Мы так никогда и не узнаем о самом интересном в её жизни с Алымовым и личной судьбе. Застарелая болезнь заурядных писателей, так часто мечущихся, становящихся на цыпочки, чтобы дотянуться до литературных вершин, и при этом не замечающих жизни, которая бурлит вокруг.

«С тех пор как умер отец, я разлюбила свой город и свой дом».

В автобиографии Марии Федоровны есть глава «Что доброго я сделала в жизни». Она перечисляет свои добрые дела. Не брала у родителей денег на учебу в Москве, зарабатывала сама, работая в суде для малолетних преступников. Работа заключалась в том, чтобы ездить по Москве с опросными листами, собирать данные о детях, вернувшихся из домов заключения («домзаков»). Для юной девушки это оказалось очень нелегко. Семьи, как правило, неблагополучные, и однажды во время обхода её чуть было не убили. Будучи замужем, выписала из Козлова младшего брата, устроила его в техникум при Тимирязевской академии, который он, с помощью Марии Федоровны, окончил и уехал работать «в Брянские леса».

Она вспоминает еще несколько добрых дел. Во время работы в театрах помогала младшей сестре Варваре, «которая была одета и обута с ног до головы мною и на мои деньги, ибо отец был уже

стар». В первые годы революции, когда страна бесконечно обнищала и отец жил тем, что продавал с лотка всякую мелочь, снабжала его товаром, в том числе посылала продовольствие. Она много помогала родителям и позже, ведь они воспитывали её дочь Ирину. Помогала и старшему брату, посылала ему костюмы и пальто...

Более в перечне добрых дел М. Ф. Корниловой-Гус (Алымовой) ничего нет. Но я записал бы сюда еще два, на мой взгляд, очень важных дела. Первое – прощальное письмо мужу, переданное ей на этап. Это письмо стоит не одной пары костюмов, купленных старшему брату. Я приводил его выше. И второе – сохранение и передача в архив материалов о жизни поэта С. Я. Алымова. Напомню, к тому времени Мария Федоровна без малого 30 лет (с 1944 года) была женой другого человека, писателя Михаила Семеновича Гуса. А ведь документы Алымова, все до чернового листочка, – сохранила! Разве это не настоящий подвиг жены?

Но это было потом...

6

А пока на календаре июль 1930 года, и заключенный Алымов продолжает отмечать в дневнике увиденное в вагонном окне: «...Ждем встречного поезда. Проходит. Пассажирский. На вагонах: «Ленинград – Кемь», «Ленинград – Петрозаводск». Мягкие, жесткие, 4-й класс. Мы едем туда, люди едут оттуда. Возвращаются в столицу. Кемь – Москва, двое суток, 1300 километров. Понесли жезл. Сейчас поедем...

...8 часов, а солнце как в полдень.

– Теперь, ребята, ночи не будет. В Ленинграде арестовали. Часа два посереет и опять светло, – объявил весело конвоир. – Здесь завсегда день...

8 часов утра. Подъехали к большой станции Петрозаводск. Масса путей. Везде – дрова, бревна свежие, потемневшие... Справа Онежское озеро. Издали скалистые, поросшие густым лесом берега. Обилие коз. Бабы в розовых балахонах доят коров...

Во время стоянки на берегу Онежского озера, в ярком солнечном свете карельского дня били вшей, выворачивали рубашки и кальсоны, заполняя этим ожидание пассажирского поезда, который надо пропустить...

Ст. Олимпий – 694 км от Ленинграда. Лагеря, лагеря, лагеря... Бараки новенькие, еще не закопченные. Одними стенами утверждающие своё будущее. Прибыли для гимнастики на открытом

воздухе: кольца, трапеции, лестницы. Арка с кистей из хвои... Бор. Петр. с Денисовым поют дуэтом «Не искушай»:

*И, может быть, не мой
закат печальный,
блеснет еще любовь
улыбкою прощальной...*

В качестве закладки в дневнике Алымов использовал обрывок документа. Можно разобрать текст: «30/V 1930 г. Накладная № 29417. Алымов Сергей Яковлевич (и строчкой ниже) – Борис Пильняк». Вероятно, этим документом была сопровождена в камеру передача с воли:

«Наименование	Сумма
3 котлеты	1 руб. 05 коп.
3 огурцы	51 коп.
1 консервы	52 коп.
1 котлета	42 коп.
1 варенье	75 коп.
400 г печенье	60 коп.
Итого: 3 руб. 85 коп.»	

Арестованный в то же время Борис Пильняк, вероятно, оказался сокамерником Алымова в Бутырке и товарищем на этапе. Он был широко известный в 20-30-е годы XX века писатель, которого в советских энциклопедиях до 80-х годов обвиняли в том, что он почти натуралистически описывал быт революционной эпохи и при этом «не понимал её ведущие тенденции». Ну а все, кто не понимал, по логике того времени подлежали исправлению. Исчезнувшему в лагерях Пильняку в 1938 году посвятила стихотворение Анна Андреевна Ахматова:

*...О, если этим мертвого бужу,
Прости меня, я не могу иначе:
Я о тебе, как о своём, тужу
И каждому завидую, кто плачет,
Кто может плакать в этот страшный час
О тех, кто там лежит, на дне оврага...
Но выкипела, не дойдя до глаз,
Глаза мои не освежила влага.*

Алымов продолжает свои записи. Проехали село Сороку (ныне районный центр Республики Карелия город Беломорск. – **Прим. К. Г.**).

«Остановка. Справа – тундра, каждый метр которой – копия остального немереного пространства, слева – деревня, сотня дощатых изб, с церковью, тоже деревянной и тоже серой. Избы

одинаковы, как пни и камни, разбросанные в этих местах. Едешь, едешь и, кажется, никуда не отъезжаешь, так как все, что впереди, похоже на то, что позади и с боков. Никаких неожиданностей, никаких перемен; симфония монотонности и однообразия».

(Алымов напутал: тундра, а точнее болото, было от него слева, коли он ехал с юга, а справа были церковь на берегу реки Выг и село Сорока. – Прим. К. Г.)

«Сгусток жизни! Где-то целуются, творят, гуляют, смотрят картины, слушают музыку, сидят в театрах, танцуют в шелках – а здесь вонь, вши, мат и крикливые жалобы, молчаливый разговор – на сердце мука...

Сырой промозглый воздух, принципиальная монотонность.

Урка – ужаснейшая карикатура на человека, ужасная сущность, способная только на гадость – без дома, без ответственности, ленивые, порочные, низкие, тупые, невежественные, вспоминающие мать только в ругани...

Усталость дает знать. Сидел у стены – решетки загипнотизировали мозг. Временами кажется, что ты попал в звериную клетку и тебя считают за обезьяну или еще кого-нибудь в этом роде. Становится странно, особенно когда подходит конвоир, открывает форточку в решетке и подает воду. Он – человек, это ясно. А ты? Мозги перепутаны...

Поезд поет колесами: «В Кемь едем. В Кемь едем...»

Играем в домино. Вдруг крики: «Кемь, Кемь!» Бросились к окошечку. Справа развернулась панорама зданий. Река. Мост. Маленькая вывеска «Кемь». 836 км от Ленинграда. Дернулись вагоны последней судорогой. Стоим. Окончен путь. Мы в Кеми. 7.00 вечера.

Людей нет. Встретили нас одни козы. Никого. Видно, как кое-где проходят люди. А коз много. Белые, черные, они блеют и внимательно поглядывают на наши вагоны...

Кемские впечатления:

– Хорошо приехать сюда, посмотреть и уехать назад.

– Решеток не будет. Решеток не будет. Одно это – утешение».

На этой фразе первая часть дневника заканчивается. Страницы впереди хоть и пронумерованы: «46», «47», «48», но не заполнены. Вторая часть дневника представляет собой три нетолстые школьные тетрадки с разрозненными листами в клетку и линейку, заполненных различными записями черными и красными чернилами. Записи небрежные. На обложке пометка рукой Алы-

мова: «Секр. хр.» Их общий объем 54 страницы. На обложке первой тетради написано «КЕМЬ». На первых страницах частушки:

*Ботинки мои –
Носки лаковые,
Что у девок, что у баб
Одинаковые.*

*Я любила у канавки
Голубы цветочки рвать.
Я любила чужестранных,
Теперь надо забывать.*

*Из-за Расти дым дымится,
Не машина ли идет,
Не мого ли дролечку
С позиции везет.*

(Расти – Растьянаволок, мыс в Белом море в 5 км от Сороки, на границе Сорокской губы и открытого моря. Во время строительства ББК и позже, до 1938 (примерно) года – центр рыбной переработки БелБалтКомбината НКВД СССР. – Прим. К.Г.)

Судя по записям, Алымов жил в отдельном доме, с такими же интеллигентами, как он сам. Упоминает в записях клички своих товарищей: «политрук», «алхимик», «Ив.Ив.», о рыжем псе «Барбаросса», который «лежит на коже у двери на фоне зарешеченного окна», пересказывает ленивую трепотню про музыку Шуберта, астрономию («имена звезд давали кочевники-бедуины») и поэзию; тут же пространные, на полторы страницы, размышления о прошлом («Любовь к прошлому врождена человеку...»).

«20.III/31. Слушал отрывки из «Князя Игоря». Какая изумительная музыка... Половцы... Путивль... 1185 год... Почти тысяча лет... А страсти – те же; те же чувства... Так же любили. Да еще, пожалуй, и вернее... Как чудесна ария Ярославны: «Где ты, где ты, прежняя пора...» Полторы страницы дневника отданы для записи этой арии. А кто ставил в тогдашней Кеми эту оперу? Кто исполнял главные и неглавные роли? Где это происходило и когда? Об этом нет ничего. Судя по всему, Алымов работал при лагерном клубе, обслуживал театр или был где-то рядом с ними. Никаких упоминаний об охране, нарах, зоне, общих работах у него в дневнике с конца февраля до конца сентября 1931 года не было. Затем из Кеми его путь пролегал в Медвежью Гору, в лагерную «столицу» Беломорстроя. Он «пошел на повышение», переведен в культурно-воспитательный от-

дел (КВО) Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР.

7

Супруга Алымова, Мария Федоровна, сохранила достаточно объемный архив той поры. Сергей Яковлевич много ездил, многих на стройке знал и сам был всюду привечаем. Начальству, вероятно, льстило знакомство с довольно известным в стране литератором, а заключенных привлекал неподдельный интерес писателя к их судьбам.

В фонде Алымова множество разнокалиберных листков, исписанных непривычной к перу и не обремененной грамотой рукой. Это автобиографии, характеристики и письма заключенных. Печальные истории удивительно похожи одна на другую. Остался без родителей, начал «скитаца», нечаянно «попал на дело», после чего суд, тюрьма и – на Беломорканал; и только здесь понял, что это такое – настоящий труд, «спасибо всем» и в первую очередь чекистам, которые поверили и дали в руки лопату и тачку...

Эти рукописные истории инициировались публикациями, которые регулярно появлялись в лагерной газете «Перековка» и в бесчисленных стенных газетах, и после чего их снова и снова пачками присылали в адрес редакции и Алымову лично...

В его архиве сохранились записи-исследования блатного жаргона, наброски поэмы «Беломорстрой», статьи инженеров Плавинского, Творогова, Садикова и других, приказы начальства, инструкция управления СЛОН по зачету рабочих дней и статистические сведения о выработке ударных бригад на ББК. Здесь же записи морских примет и выражений, десятки фотографий строительства канала и много другого, относящегося к той горячей поре...

Стихотворения и заметки Алымова о строительстве ББК также свидетельствуют о напряженной работе в то время. Как правило, это разрозненные и разнокалиберные листы, карандаш, чернила, много пометок. С их помощью можно определить метод, который он использовал в работе. Алымов получал некую информацию о положении дел на том или ином участке строительства («на Северном участке работа облегчается только глубоким обходом – местами на расстояние до 2-х клм в сторону от линии...»), думал над ней, рифмовал, черкал, снова рифмовал (в бумагах масса перечеркнутых, отвергнутых образов и рифм). Только после этого появлялся черновик стиха...

Кроме стихотворений, узконаправленных, выполняющих конкретную, производственно-мобилизующую функцию, Сергей Яковлевич пытался писать и лирику. Но подобный «творческий» метод в его исполнении и в тех условиях выглядит ужасно. Для его определения я не могу подобрать другого слова, нежели как изнасилование. И ничто поэта Алымова перед литературой не извиняет, кроме того очевидного факта, что был он хоть и в кожаном пальто, но в концлагере, и был заключенным с 10-летним сроком.

*В нашей стоянке,
На мерзлом
И мертвом граните,
Каждую ночь
Тебя вижу,
Родная,
Во сне,
Брежу тобой...
Сосед меня будит:
– Проснитесь!
Я просыпаюсь...
Хохочущий ветер
Да снег...*

* * *

*К югу идет
Застеклённое льдинами
Море,
Сзади – где Север –
На полюс
Дорога видна...
Скрипнули зубы...
И скрежетом торосов
Вторит
Белого моря
Приятельская седина.*

Алымов быстро освоился на Беломорстрое. Уже 14 ноября 1932 года он подал начальнику Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря Л.И. Когану рапорт с предложением создать литературно-художественный сборник о Беломорстрое. Авторы на строительстве были достаточно, типография в лагере своя, причем мощная, способная выпускать любую продукцию. Коган согласился, и предмет всеобщей гордости – сборник «Моря соединим! Стихи и песни на Беломорстрое» (издание культурно-воспитательного отдела Беломорско-Балтийского лагеря ОГПУ. Медвежья Гора, 1932) появился в том же году. Об этом событии как о «новом шаге» в воспитатель-

ной политике карательных органов СССР громко трубили не только лагерные издания.

*Песня, звени,
Улыбайся, рей,
Гордою силой полна.
Годовщину
Пятнадцати
Октябрей
Празднует
Наша страна...*

* * *

*...Страна расцветает,
Один за другим
Гиганты
Вступают
В строй.
Присоединяется
Радостно
К ним
Новый гигант
БЕЛМОРСТРОЙ!*

* * *

*Плечо к плечу и к локтю локоть
В единой трудовой толпе,
Чтоб выполнить нам раньше срока
Строительство ББВП.*

В 1933 году творчество Сергея Алымова получило новое признание. Он, заключенный, вошел в число известных литераторов страны, которым было поручено участвовать в создании книги-монографии об истории строительства Беломорско-Балтийского водного пути. Как известно, поручение ОГПУ СССР о создании такой монографии дал Центральный исполнительный комитет (ЦИК) Союза ССР в постановлении от 4 августа 1933 года...

Однако ЦИК имел в виду совсем иную работу. Но в ОГПУ задачу поняли по-своему. И вместо монографии, призванной на примере строительства Беломорско-Балтийского канала свидетельствовать миру о прорыве СССР в научно-технической области, появился ведомственный «рекламный ролик». Слов нет: «ролик» выполнен талантливо, если не сказать – блестяще. Как это было обставлено чекистами, написано уже много. Только стоит ли нам, сегодняшним, смеяться над писателями 30-х, если подобная практика продолжается и поныне. И некоторое

изменилось с тех пор. Разве только то, что не все из тогдашних «почетных гостей ББК» дожили даже до 1940 года, а нам, в отличие от них, пока ничего не угрожает.

Небольшими группами и по одному писатели приезжали на канал и позже. Для них собирали инженеров, устраивали поездки на трассу, проводили совещания, на которых они могли задавать вопросы. Совещания, как правило, стенографировались. Из написанного были отобраны произведения только 36 писателей, которые они же сами свели в единое (сквозное) повествование. Один из вдохновителей книги, А. М. Горький, даже увидел в этом факте историческое, поворотное событие в развитии советской литературы. В предисловии он написал: «Работа эта указывает путь, идя которым, наша юная литература быстро уничтожит все еще не уничтоженные, скрыто существующие групповые трения». И в своём прекраснородушии Алексей Максимович оказался неправ. Литература и поныне не перестала быть личным, сугубо индивидуальным и весьма конкурентным делом.

Сергей Яковлевич Алымов не только вошел в число 120 званых, но попал и в 36 избранных. Он назван среди авторов сразу трех глав книги из пятнадцати. И нетрудно представить, каким это тогда было успехом для него, – увидеть свое имя рядом с именами М. Горького, Вс. Иванова, Веры Инбер, В. Катаева, В. Шкловского, Л. Никулина, М. Зощенко, Д. Мирского и других именитых писателей.

8

Всё переменялось уже через три года. Причём самым жестоким образом. Главный вдохновитель книги нарком Г. Г. Ягода был объявлен врагом народа и расстрелян. Книга-монография «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» изъята из обращения и уничтожена. Из трех редакторов остался только М. Горький: чекиста и замначальника Беломорстроя С. Фирина, как и писателя и родственника Г. Г. Ягоды (мужа его сестры) Л. Авербаха также расстреляли.

Это произошло в 1937 году. А сразу по окончании строительства канала, в 1933 и последующих годах, изо всех сил раскрученный пропагандистский маховик ОГПУ крутился, крутился и никак не мог остановиться.

В 1934 году Сергея Алымова привлекли к созданию песен к звуковой художественной кинокартине «Заключенные». Кино снимали прямо на ББК. Лента должна была продемонстрировать

стране, как дружно, споро и весело трудятся на великих стройках бывшие воры, бандиты, проститутки и вредители, как по-отечески занимаются их перековкой мудрые чекисты. И что ГУЛАГ – это вовсе не то, о чем втихаря рассказывают редкие, по чьему-то недогляду вернувшиеся из лагерей очевидцы.

По задумке создателей, кинолента должна была буквально искриться творческой, рабочей энергией, быть наполненной музыкой и песнями. Так оно и получилось. Картина «Заключенные» прошла по стране с большим успехом. С. Я. Алымов написал для фильма семь песен: «Духовая», «Игровая», «Песня победы», «Песня Соньки», «Песня урок», «Победная песня» и «Сплавная».

Игровая

*...Забутано, заметано,
Майданщик – Ибрагим,
Тасуй колоду! Вот она!
– «работать не можем!»!*

Песня победы

*...На далеком севере,
Под Полярным кругом
На снегах немереных
Я нашел подругу.*

*Ты была воровкою,
Я гулял бандитом, –
Мы не этим, милая,
Нынче знамениты.*

*Мы водой устроили
Реки и озера,
Душу перестроили,
Развязались с горем.*

*Обнимай – не спрашивай,
Сладкая зазноба!
По каналу нашему
Проплываем оба...*

Песня урок

*...Оставьте пустые разговоры –
Воров не приучите к труду.
В нашем тресте
Все на месте!
Надоело слушать ерунду...*

*Воровка не делается прачкой,
Шпана не подкачает – дырка в грудь!
Грязной тачкой
Рук не пачкай!
Это дело перекурим как-нибудь...*

Победная песня

*Мы крепости взяли. Преграды смели,
Хоть схватка нелегкой была.
Чекистам упорным и стойким – хвала!
Они нас к победам вели.*

*Победная песня,
Как сокол,
Взмывай.
Над водной дорогой,
Меж скал.
Плыви, пароход,
И волну подымай,
Сверкай,
Беломорский канал!*

В Национальном архиве Республики Карелия мне довелось прочитать любопытный документ:
«Приказ

*По Беломорско-Балтийскому Комбинату НКВД
Ст. Медвежья Гора 3 января 1935 г.*

Содержание: о поощрении работников, участвовавших в съемках художественно-звуковой картины «Заключенные».

Работники ББК при съемках звуковой картины «Заключенные» проявили четкость в работе и честное отношение, чем содействовали успешному окончанию работ в короткий срок. Отмечая подлинно ударную работу з/к, по ходатайству начальника киноэкспедиции «Востокфильма» ПРИКАЗЫВАЮ...

И далее заместитель начальника Беломорско-Балтийского комбината и он же начальник управления Беломорско-Балтийского лагеря НКВД Успенский приказывает выдать денежные премии в сумме от 15 до 75 рублей 21 заключенному и еще 11 заключенным объявить благодарности. И вот что любопытно. Даже здесь, казалось бы, в такой малости, чекисты оказались верны себе. Деньги на премирование отличившихся в съемках шли вовсе не из кассы ББКомбината. В приказе Успенского есть пометка на этот счет: премирование осуществить... «из средств, отпущенных Государственным Трестом по производ-

ству художественных фильмов национальных республик «Востокфильм».

Где товарищ Успенский, а где «Востокфильм». И тут, что называется, прокатились за чужой счет...

9

Чем была наполнена жизнь поэта Сергея Алымова после строительства Беломорско-Балтийского канала, я достоверно не знаю. Он совершил несколько поездок в Тулу, завел знакомства с тульскими оружейниками, занимался историей города, приступил к работе над поэмой «Оружейники» и мучительно писал её, делая большие перерывы, до лета 1941 года. В те же годы он много ездил, выступал, думал о себе и о будущей работе.

В его фонде хранятся четыре блокнота, относящиеся к 1934 – 1935 годам. В них черновые наброски к будущим статьям, рассказам и выступлениям. На обложке первого написано: «Писатель». Блокнот открывается датой 30.VII.35 г. и записью: «Писатель. Вечное недовольство и работа. Нельзя успокоиться на достигнутом и уже написанное кажется отвратительным...» Два других блокнота имеют названия «Литература 1» и «Литература 2», а четвертый озаглавлен «Stella polaris»... Как можно понять из записей, Алымов намеревался писать романтическую пьесу о покорении Ледовитого океана. Но что-то у него с романтикой не сложилось. Хотя я и догадываюсь, почему дело у него не пошло...

Жизнь Сергея Яковлевича, равно как и сотен таких же, как он, бывших лагерных сидельцев, в предвоенные годы была наполнена безотчетным страхом. Исподволь начавшись, уверенно шли по стране массовые аресты и расстрелы. Причем расстреливали вчерашних кумиров, начальников с такими звездами на погонах, что куда там бывшему сотруднику КВО! Хорошие знакомцы и всемогущие покровители, руководители строительства ББК (Ягода, Фирин и другие) расстреляны, книга про них и про славную сталинскую стройку запрещена, редакторы и часть писателей в лагерях или уже расстреляны...

Точно такая же «монография» о строительстве канала Москва – Волга даже не дошла до типографии. Подготовленная к печати, сдана в архив. В Дмитрове вместе с начальником Дмитрлага С.Фириним расстреляно 219 его ближайших помощников, в том числе «бойцов пропагандистского фронта» – художников, литераторов и прочих куплетистов. Страх и ужас царил в душах бывших каналоремейцев Беломорканала...

К тому же Алымов постоянно чувствовал, что власти не забывают и о нём. Например, в 1939 году совершенно неожиданно он был... награжден орденом «Знак Почета».

Трудно сказать, чем бы всё кончилось, если бы не Великая Отечественная война. Да только вот её начало породило новый страх: на фронт не берут! Да, немолод, да, нет военного образования. Но и прежняя судимость тоже кое-что значит.

Кто ж забыл?!

Прошло первое военное лето, прошла осень, и с сильнейшими боями немец уже подкатил к Москве. Между тем Алымов еще не призван, дома слушает тревожные сводки Совинформбюро. Первого декабря 1941 года, совершенно истомившийся, он решается на отчаянный шаг – пишет письмо (и прикладывает к нему заявление) самому маршалу Ворошилову. Сергей Яковлевич просит его лично ходатайствовать об отправлении на фронт. Легендарный маршал и первый конник СССР К. Е. Ворошилов вспомнил автора не менее легендарной песни «По долинам и по взгорьям» и отозвался немедленно. Уже в январе 1942 года Алымова зачислили в кадры Главного политического управления Военно-Морского флота.

В феврале (по август 1942 года) с командировочным предписанием Главпура ВМФ Сергей Яковлевич отправился на Черноморский флот: Севастополь – Балаклава – Черноморское побережье, где в ту пору шли ожесточенные бои. В качестве литератора С. Я. Алымов принимал участие в обороне Севастополя, за что награжден орденом Красная Звезда и медалью «За оборону Севастополя» и, как сказано в его характеристике Союза писателей СССР, «выезжал в командировки на разные фронты, выполняя задания командования. Награжден наркомом обороны именными часами».

Сергей Яковлевич не был бы писателем, если бы не вёл дневник. Ведь он и на фронте призван был горячей поэтической строкой отзываться на злобу дня, воспитывать и мобилизовать людей на подвиг. Что он и делал при помощи памятных книжек той поры, любовно сохраненных его супругой Марией Федоровной Алымовой (Корниловой-Гус), ожидающей его в Москве, в Столешниковом переулке. Спасибо ей за это!

Вот он, фронтовой дневник писателя Алымова: четыре блокнота, испещренных записями карандашом и чернилами. 289 страниц, заполненных в период со 2 февраля по 19 июля 1942 года. Приводим его фрагментами, выбирая из торопливых записей наиболее характерные и яркие. Записи

делались с одной целью – сохранить в памяти обстановку, сбережечь тот или иной факт или даже настроение для будущей работы. Порой в них нет даже дат, а только время суток. Зачастую он писал на бегу, в поезде или машине, вкривь и вкось.

«Тихорецкая. Утро. Черная грязь оттаивающей земли. Уже больше весны, чем зимы... Из Армавира в 23.30 ночи. Грузимся на поезд Армавир – Туапсе. Поезд на редкость убран и чист. Необычный service. Утром за окнами другой, сказочный мир. Вершины гор без снега...»

...Нина Анилова, пулеметчица. Дралась под Одессой в пехоте, стрижена (была ранена, на голове шрам).

Рассказ офицера: «К 31-му мы были прижаты крепко, уже почти к самой воде. Места за Волгой не осталось (подчеркнуто). А немец жмет. Ну, подумал я, надо его ударить так, чтобы ум за разум зашел. Они обыкновенно бомбить начинали с 8-ми утра. Я мобилизовал к 7-ми все боевые огне(вые) средства, – все, что могло стрелять, было приготовлено. И мы начали бой. Я стоял вот здесь, на крыше блиндажа. ...Мы дали по Мекензиевым горам 6000 выстрелов за 15 минут по площади 1 1/2 клм. Люди наши, сидевшие в окопах поблизости, оглохли на неделю... У немцев творилось что-то неопишное – они не могли сообразить, что это такое. Огненный смерч налетел и отбросил их километра на четыре назад – бежали как сумасшедшие...»

«Случай с коком, который нес на позицию термос с горячим борщом. Напоролся на немцев – офицер и с ним двое. «Хенде хох!» Кок поднял руки с термосом и молниеносно вылил борщ на голову немецкого офицера. Тот заорал ошпаренный, солдаты-фашисты бросились к воюющему начальству, а кок тем временем удрал. Случай этот произошел на батарее в 7-й бригаде у Гарпищенко».

«...1 марта. Проснулся часов в пять. Приступ кашля. Через полчаса началась канонада. Вместе с голосом пушек запели петухи. Запели отчетливо, спокойно, как в мирное время. Артмузыка многозвучна и разнообразна. То «уф-уф», то раздраженный рев быка, то трембование или бой парового молота, то вытряхивание гигантских ковров. Пение пушек чередуется с пением петухов. Можно даже сказать, что петухи перепевают. Пушки смолкают. А петухи продолжают свои рулады».

«Вчера выступили по радио – вместе с ансамблем... Аф. Петр. Рассказывает за завтраком о Севастополе».

«5 часов. Обедаем в блиндаже. Сегодня борщ,

котлеты. Немец бьет тяжелыми 12 или 14 дюйм. Потолок в блиндаже дрожит...»

«...Немецкий пулемет просит: – дай – дай – дай! А наш: – на – на – на! И действительно, по звуку бьёт похоже».

«Остров Первомайский. Батарея 22. Рука с часами. После пикировщиков и отсылки раненых нашли руку с часами (в щели). Часы тикали.

– Чья рука?

Узнали по часам. Похоронили руку, а часы отправили в госпиталь хозяину...»

«8 марта. Был вызван секретарем обкома Федором Дмитриевичем Меньшиковым. Была тревога. Просидели в скале. Вечером поехали на Максимову дачу на праздник женщин 172 див. Был Петров. Сказал чудесную речь о женщинах Севастопольской обороны. Я прочел «С тобой, Севастополь». Илья Еременко подошел ко мне и сказал:

– Пьешь здорово, но и пищишь тоже здорово...

Какие чудесные девушки – героини!»

...Между страницами фронтового блокнота С.Я. Алымова сохранились мелкие засушенные весенние цветы. Сохранились отлично. Лежат с 8 марта 1942 года.

*Сплошь руины,
В дырах стены,
Но светла морская даль,
И цветет морскою пеной
Бело-розовый миндаль.*

(С. Алымов)

*Море побед – колыбель смельчаков,
Славное Черное море.
Здесь Севастополь – любовь моряков
Высится в синем просторе.*

(С. Алымов, К. Платонов)

«18 марта – 22 марта. Фрицы «расшалились». С утра налетают на город. Сбрасывают «гостинцы», но сами себя назад не доносят. Наши зенитчики работают на славу. За 20-е сбили шесть немецких самолетов. Сегодня один сбит «чайкой» над вокзалом. Рухнул – только дым пошел. Киношники снимали.

«Здорово, – сказал Микеша, – груды горящего мяса. Нашли 3 креста».

Очевидно, какой-то «ас» нашел конец между Малаховым и Историческим. Обломки «ю-88», покореженные и обгорелые, привезли и свалили на площади 3 Интернационала. На фанерке свежей краской написали: «Обломки фашистского стержня, сбита 22/III/42. Всё!»

«24 марта... У всех повышенный интерес к анекдотам. Все с удовольствием «травят» в промежутках между боями, бомбежками и прочими военными делами. И все стали пить. Даже те, которые до войны не пили, презирали водку и осуждали пьющих. Сейчас только и разговору: «Где бы достать горячего...»

«13 июня. Туапсе. Виделся с Байденко. Заехал на машине по дороге в Новороссийск:

– Города нет. 500 самолетов бомбят без передышки. По 6 самолетов...»

«В Сочи в госпитале челюстник раненый, странная маска на молоденьком кудрявом краснофлотце. У него пол-лица снесено с носом и губами. Шутит, спрашивает сестру: «Как же я теперь целоваться буду, безгубый, а?»

«Сегодня после обеда долго и интересно беседовали с Кореповым. Говорим о послевоенных проблемах. Стимулируют деторождение – ведь уничтожили не только лучших производителей, но и производственный материал – детей. Людские ресурсы надо быстро восполнять. Очевидно, нужно ждать изменений.

– Надо делать детей!

Значит, возможна отмена алиментов, которые будут заменены государственными пособиями... Законы об абортах будут еще строже. Переизбыток девушек и женщин, наличие вдов вызовут охоту на мужчин... Мужики – дефицитный товар. Раньше мужчина ухаживал за женщинами, теперь роли поменяются: бабы будут ухаживать за мужиками...»

10

19 июля 1942 года Алымов отозван в Москву. Он вылетел на самолете из ст. Белореченской, 8 часов и 44 минуты был в воздухе и в 5.40 прилетел в Москву. Конец лета, осень и зиму Сергей Яковлевич просидел в Москве. Вероятно, просто так, без дела ему всё-таки сидеть не давали, но и серьезного занятия никак не находилось. Вероятно, выезжал в составе писательских бригад на заводы и в воинские части. Вероятно, околачивался в Главпуре, читал стихи и ходил по редакциям... Фронтовых командировок не было. И записи в дневнике той поры у Алымова совсем редкие. Что и понятно: на душе было сумрачно.

«Декабрь, 5-й, 1942 год, Москва. Балтика требует меня. Хотят песен. Настойчиво начальство желает сбегать меня. Севастопольское начало работ, значит, в сторону. Начнется новая эпопея. Собираю на всякий случай материалы по тем местам, в которых довелось бывать...»

«14 декабря. Оттепель. Саша рассказывает:

«6 дней из Ленинграда; из Копорья ехали в Н. Ладогу – 3 дня. Шторм. Ничего не ели. Капитан заблудился. Мертвецов выбрасывали за борт. Из 60-ти осталось шесть – отбор сильнейших. Я боялся мертвых, а тут спокойно ходили по трупам. Ленинград очень разбомблен. Из 5-ти мостов раз да два...» «19 апреля. ...В Москве тишь да гладь – прямо сон. Никакой войны не чувствуется. Котлет нет, но бл...ей в чернобурках полно. И всё те же в большинстве случаев похудевшие лица... То война даёт себя знать по-другому – не бомбежкой, так картошкой...» И крупная запись, как кредо: «Надо непременно каждый день писать, не столько для успеха работы, сколько для того, чтобы не выходить из колеи...»

В конце апреля 1943 года С. Я. Алымов получил-таки от Главпура ВМФ долгожданное назначение, теперь на Северный флот. Через Вологду он добирается до Мурманска по Обозерской ветке – железнодорожному пути, построенному среди болотных хлябей уже с началом Великой Отечественной войны. Кировская железная дорога Ленинград – Мурманск была к тому времени перерезана финнами и немцами. Теперь дорожные записи он ведет на листах в линейку обычной школьной тетради; листов много, обложек нет, записи по-прежнему карандашом вкривь и вкось – на бегу. Но есть и вполне аккуратные, когда выпадало время и место.

Первая запись датирована 23 апреля. В дневнике отмечены все железнодорожные станции от некой Александровки до самого Мурманска. С указанием времени суток и дней пути. Так, в Вологде (на р. Сухоне) он оказался на 2-й день пути, в Сорокской (г. Беломорск) на 3-й день (в 4 часа 30 мин.), а в хорошо известной Кемии в 7 вечера того же дня. До Мурманска Алымов добрался на 4-й день пути 27-го апреля. В дневнике Алымов отмечает места, по которым едет Обозерской веткой. Проезжает, скажем, станцию Вирма, что под Беломорском, бывшей Сорокой:

«... от Вирмы дорога идет коридором, прорубленным в монолитном граните, – серо-розовом, так знакомом по Белморстрою. Вообще, эти места и природа вызывают целый поток полузабытых воспоминаний – годы 30-32-й вновь ожили во всей свежести... Сорока – Беломорск, где на шлюзе состоялась историческая встреча североморцев с т. Сталиным, Кировым, Ворошиловым. Слева голубая лента канала и шлюз. Справа синевя Белого моря.

Здравствуй, Б.Б. канал, здравствуй, Белое море! Над каналом, на насыпи – блиндаж-дот из сосенек, с амбразурой в сторону шлюза. Остался

разъезд – 7 км до Сорок. Трогаемся, переезжаем ББВП! Как много в слове этом для сердца беломорского слилось! ...Стоим. Полночь, в 5.30 трогаемся. Темнеет. Беломорский персиковый закат над темной землей (сколько их было видно мной в Карелии!!!)».

Странные для вчерашнего заключенного ГУЛАГа ностальгические чувства, не правда ли? Судя по записям, у Алымова была еще одна командировка на Северный флот. 24 октября 1943 года он вылетел из Москвы с задачей добраться на север в Мурманск через Вологду. Во второй командировке Алымов жил в Поляном. Последняя запись его северного дневника датирована 11 декабря 1943 года: «Шторм не утих. Сегодня кругом свист, вой, гам – вальпургиева ночь продолжается... Дом дрожит, волна грохочет – ветер хочет его сорвать и унести. Надо ждать. Что натворит шторм...»

Не знаю, заметил ли читатель одно важное обстоятельство: в военных записях Алымов ни разу не вспоминает о своей жене Марии Федоровне. Читаешь эти пестрые записи страницу за страницей и тут и там встречаешь воспоминания себе-седников о своих женах и подругах. Алымов словно бы о ней позабыл. Что между ними случилось? Кто виноват? Новая фронтовая любовь? Так и о ней нет ни малейших упоминаний. Может, пьянство, о котором вскользь упоминал Сергей Яковлевич? Или самой Марии Федоровне невыносимо стало бесконечное одиночество при живом муже – то лагерь, то командировки, то война? Так или иначе, еще до окончания войны, в 1944 году, она ушла к другому писателю, Михаилу Семеновичу Гусу. Ушла в буквальном смысле слова, перебравшись со Столешникова переуллка, где жила с Алымовым, на улицу Черняховского. И стала Корниловой-Гус.

Тотчас после окончания Великой Отечественной войны приказом наркома ВМФ (№ 01087 от 7 июня 1945 года) Сергей Яковлевич Алымов уволен в запас в звании майора. Для него наступила пора осмысления накопленного. В 1946 году «Воениздат» выпустил поэтический сборник «Этих дней не смолкнет слава», в который включено много его произведений. Он написал поэму «Дядя Костя» (Заслонов), передававшуюся в отрывках по радио и частично напечатанную, а также несколько новых песен и стихов и «Победную кантату» (муз. Новикова). В конце декабря 1947 года сдал издательству «Московский рабочий» новый сборник стихов и песен, в том числе написанных к 30-летию Советской армии. К этому же времени относится создание кантаты

«Знамя Победы» для Краснознаменного ансамбля песни и пляски.

Большие планы вынашивал Сергей Яковлевич и на 1948 год. Он всерьез решил закончить и сдать наконец в печать окончательные редакции «Оружейников», которые начал до войны, и «Дядю Костю» (Заслонова). Он мечтал собрать в книгу прозы все написанное им в Севастополе... Но, увы, сбыться планам не удалось. 29 апреля 1948 года писатель С. Я. Алымов умер в одной из московских больниц. По некоторым данным, в больницу палату он попал в результате дорожно-транспортного происшествия.

Сергея Яковлевича похоронили красиво. Поэт упокоился на Новодевичьем кладбище. 15 августа 1948 года распоряжением Совета Министров СССР, подписанным И. Сталиным, память писателя Сергея Алымова была увековечена так, как это было принято в отношении бесспорных классиков советской литературы. Правительство распорядилось о сооружении памятника и установке памятной доски, об издании «Избранного»; семье установили персональную пенсию, а его именем назвали пароход.*

Так неожиданно оборвалась жизнь одного из писателей, звонко воспевавших вождя, и не только одну великую стройку, но и всю его политику. Так щедро вождь воздал памяти своего певца.

Было ли творчество писателя Сергея Алымова периода Беломорстроя по-настоящему искренним? Всерьез ли он считал, что подобное отношение власти к своему народу единственно воз-

можным? Или же творчество для него было способом приспособиться и выжить в условиях концлагеря? Ошибся ли он в своем выборе? Жалел ли о прожитом? Кто теперь ответит на эти вопросы? Жизнь земная одна, и каждый из нас, как бы искренне того ни желал, во второй раз её не проживет.

* Пароход «Сергей Алымов», дата постройки 1955. В первую навигацию вышел в 1956 году. Владелец судна Бельское речное пароходство (Уфа). После списания стоял в качестве дома отдыха «Кристалл» в городе Саратове и пользовался известной популярностью. В середине 1980-х годов над пароходом был надстроен третий ярус.

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ (род. в 1947 году)

*— публицист, писатель,
окончил факультет журналистики ЛГУ
и более 30 лет работал в периодических изданиях
Карелии сотрудником и главным редактором.
Лауреат международной литературной премии
Союза писателей России «Полярная звезда»,
победитель Всероссийского литературного конкурса
«Бородино» губернатора Московской области,
лауреат премии Республики Карелия
в области литературы (2008 и 2014 гг.),
премии журнала «Север» и специальной премии Союза
журналистов Карелии «За мастерство и достоинство»;
заслуженный работник культуры Российской Федерации.*

